

Анатолий Алексин

Позавчера и послезавтра

ФТМ

КМБ

Анатолий Георгиевич Алексин

Позавчера и послезавтра

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23569493

Позавчера и послезавтра: ФТМ; Москва; 2017

ISBN 978-5-4467-2641-7

Аннотация

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексин Анатолий

Позавчера и послезавтра

1

– Я хочу, чтобы ты не повторял в жизни моих ошибок! – часто говорит мама.

Но, чтобы не повторять ее ошибок, я должен знать, в чем именно они заключаются. И мама мне регулярно об этом рассказывает.

Об одной маминой ошибке мне известно особенно хорошо.

Я знаю, что мама «погибла для большого искусства». Зато в «малом искусстве» она проявила себя замечательно!

«Малым искусством» я называю самодеятельность. Папа спорит со мной.

– Нет больших ролей и нет маленьких! Так утверждал Станиславский. И ты не можешь к нему не прислушиваться, – сказал как-то папа. – В Москве, рядом с Большим театром, находится Малый. Но он так называется вовсе не потому, что хуже Большого.

– Но ведь мама сама говорит, что погибла для большого искусства, – возразил я.

– Она имеет право так говорить, а ты нет. Искусство – это

искусство. И талант – это талант!

Папа считает, что почти все люди на свете талантливы.

В той или иной степени... Все, кроме него. Но особенно талантлива мама!

С годами я понял, что в «малом искусстве» можно проявить себя гораздо полнее и ярче, чем в большом.

Ну, например, профессиональные драматические артисты – это артисты и всё. Мама же успела проявить себя и в драматическом кружке, и в хоровом, и даже в литературном.

Иногда, после самодеятельного концерта, мама спрашивает отца, что ему больше всего понравилось. Он пытается спеть, но из этого ничего не выходит, потому что у папы нет слуха. Все песни он исполняет на один и тот же мотив.

У нас дома никогда и ничего не запирают на ключ. Ничего, кроме ящика, в котором папа хранит альбомы. «Мама в ролях» – написано на одной обложке. «Мама поет» – написано на другой. «Мама – в поэзии» – написано на третьей.

Мы довольно часто переезжаем из города в город. Потому что папа строитель, он «наращивает мощности» разных заводов. Мы приезжаем, наращиваем и едем дальше...

Но, прежде чем перебраться на новое место, папа обязательно узнает, есть ли там клуб или Дом культуры. Когда выясняется, что есть, он говорит:

– Можем ехать!..

Переезжать с места на место – нелегкое дело. Но мама делает вид, что это очень приятно.

– Видишь, там есть хоровой коллектив, – сказала она однажды папе. – А я так давно не пою!

– Кто виноват, что я умею делать только то, что я делаю? – словно бы извинился отец.

– Путешествовать гораздо лучше, чем сидеть на одном месте, – сказала мама. – Об этом пишут в стихах и поют в песнях.

И хоть папа прекрасно знал, что мама успокаивает его, он поверил стихам и песням.

Вот уже около трех с половиной лет мы живем в большом городе, где папа наращивает мощности металлургического завода. Прежде чем переехать, он, как всегда, навел справки насчет Дома культуры. Выяснил, что при нем активно работают все кружки, какие только существуют на свете. И что «детская работа» там тоже прекрасно налажена.

– Я не хочу, чтобы ты повторил мою ошибку и приобщился к миру прекрасного слишком поздно, – сказала мне мама. – Пора!.. Что ты предпочитаешь: пение или танцы?

Я выбрал пение.

Через несколько дней после приезда мама повела меня в Дом культуры строителей. Предварительно мы узнали, что дирижирует хором «замечательный педагог», которого зовут Виктором Макаровичем.

В большой комнате, на дверях которой было написано «Малый зал», мы увидели девочку. Положив на черную-пречерную крышку рояля ноты, она что-то тихонько мурлыкала.

– Где найти руководителя хора? – спросила мама. Девочка захлопнула ноты, и я прочел на обложке:

«Иоганн Себастьян Бах».

– Они поют Баха! – успела шепнуть мне мама. И спросила: – Где найти Виктора Макаровича? Вы нам не подскажете? Девочку, которая общалась с Бахом, мама назвала на «вы».

– Он в коридоре, – ответила девочка. – Идемте... Я вас провожу.

Мы вышли в коридор, увешанный фотографиями. На стенах пели, плясали, изображали купцов из пьесы Островского.

Мама оглядывала Дом культуры так, как, наверное, опытный морской волк, повидавший на своем веку много разных кораблей, осматривает новое судно, на котором ему придется поплавать.

Я чувствовал, что мама боролась с собой. Ей не хотелось ничему удивляться, потому что опытные морские волки не удивляются. Но в то же время она хотела заразить меня своей любовью к самодеятельному искусству и потому время от времени «похлопывала» Дом культуры строителей по плечу: – Интересно... Это они молодцы! Неплохо придумали.

Девочка с Бахом под мышкой завернула за угол. Там была как бы окраина коридора, заканчивавшаяся двумя туалетными комнатами. – Вон он, сказала девочка. – Прыгает!..

Худощавый седой человек перепрыгнул через одного

мальчишку, пригнувшего спину, и сел на спину второму. Тот поднялся, а человек пригнулся и встал на его место.

– Что это... он делает? – спросила мама.

– Играет в чехарду, – объяснила девочка. И, прижав к себе «Иоганна Себастьяна», ушла.

Мы подошли к невысокому пожилому человеку, через которого в этот момент перепрыгивали. Лицо у него было такое, будто он занимался своим самым любимым делом.

– Простите, пожалуйста. Вы... Виктор Макарович? – неуверенно спросила мама.

Все еще пригнувшись, он взглянул на нее снизу вверх.

– Да, это я. У нас тут... разминка.

– Я понимаю, – сказала мама, будто все знакомые ей дирижеры любили играть в чехарду. – Мой сын хотел бы записаться к вам в хор.

– Прекрасно! – воскликнул Виктор Макарович, точно я был знаменитым певцом и он давно уже ждал моего прихода. Потом, приняв нормальную позу, он спросил: – Как тебя зовут?

– Миша Кутусов...

– Прекрасно! – воскликнул Виктор Макарович. И вдруг как-то смутился, стал заправлять в брюки рубашку, которая вылезла оттуда, когда он прыгал.

Мы с мамой оглянулись и увидели строгую женщину, у которой были очень молодые и красивые волосы. Густые, немного выющиеся, они были собраны сзади в тяжелый пу-

чок.

Есть лица, которые совсем не напоминают о своем прошлом. А это как бы все время напоминало.

– Не пора ли нам начинать? – спросила женщина.

И я сразу понял, что она тоже дирижирует – всем хором или одним только Виктором Макаровичем. Точно я в первый момент определить не сумел.

Почувствовав это, Виктор Макарович сообщил:

– Наш аккомпаниатор и дирижер! Маргарита Васильевна...

– Второй дирижер, – пояснила она. Словно хотела сказать: «Не нужно преувеличивать мои звания, потому что не в званиях дело!»

– А вот Миша хочет записаться в наш хор, – сказал Виктор Макарович.

В отличие от него Маргарита Васильевна не воскликнула, что это прекрасно. Она удивленно спросила:

– Сейчас?! В часы репетиций?

– Но ведь нам же нетрудно его послушать? Остальные пусть еще отдохнут.

– Ну, если вы так считаете...

Маргарита Васильевна повернулась и пошла к Малому залу. Виктор Макарович догнал ее и стал на ходу не то извиняться, не то что-то доказывать. При этом он тайком, у нее за спиной, несколько раз махнул нам: дескать, не отставайте!

Мы вошли в Малый зал.

– Возьми себя в руки, – шепнула мама. И мне показалось, что я потерял голос.

Маргарита Васильевна села за рояль, который блестел, как черное зеркало. В его крышке я увидел свое лицо и лицо Виктора Макаровича. Мама стояла чуть-чуть в стороне, подчеркивая этим, что она меня только сопровождает.

Я подумал, что рояль в таком блестящем порядке, потому что за ним следит Маргарита Васильевна, у которой все было в порядке: и руки, и платье, и волосы.

– Значит, ты у нас – Миша? – сказал Виктор Макарович.

– Миша Кутусов.

– Прекрасно! Почти Кутузов!..

Я и сам не раз думал, что фамилия наша когда-то была «Кутузов», но папа или какой-нибудь его предок (такой же, как он!) из скромности изменил пятую букву.

– Спой что-нибудь, Миша, – предложил Виктор Макарович.

Мама еще дома предупреждала, что я должен буду повторять за руководителем хора разные музыкальные фразы.

Но он попросил меня спеть.

– Он у нас так часто поет! – сообщила мама. Хотя в действительности у нас дома пела только она.

– А что ты любишь петь больше всего? – спросил Виктор Макарович.

– Больше всего? – повторила мама. – Из классики? Или из современного? Он поет и то и другое.

Накануне мы отрепетировали любимую мамину песню «Аист» и песенку мальчиков из «Пиковой дамы».

– Спой что-нибудь из Чайковского, – предложила мне мама таким тоном, словно мне ничего не стоило спеть что-нибудь и из Шуберта, и из Мусоргского, и из Римского-Корсакова. – Ну, вот хотя бы из «Пиковой дамы»! Песенку мальчиков...

Маргарита Васильевна, казалось, только и ждала этой фразы: она сразу ударила по клавишам. Я запел... И тут же остановился.

– Лучше про аиста, – предложил я.

Маргарита Васильевна, не дав мне опомниться, сразу же заиграла. У меня хватило духу на первый куплет.

– Может быть, лучше без аккомпанемента? – точно извиняясь перед Маргаритой Васильевной, предложил дирижер хора.

– Как вам будет угодно, – сказала она.

Я понял, что без аккомпанемента мой голос будет совсем уж беззащитным и одиноким. Со страху я громко, будто конференсье объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.